

С точки зрения внешнеполитических процессов 2015 год оказался крайне насыщенным и важным по своим последствиям для развития мирового сообщества. Россия как значимый политический игрок на мировой арене часто оказывалась в центре глобальных политических событий. Главные из них требуют научного осмысления и анализа. Саммиты ШОС и БРИКС в Уфе, интеграция Таджикистана в ЕАЭС, ситуация в Сирии – этим и другим вопросам посвящено интервью с вице-президентом Российского совета по международным делам В.И. ТРУБНИКОВЫМ. Беседу вел К.Ю. Сафронов.

Восточный вектор внешней политики России на современном этапе

– В июле 2015 года в столице Башкирии – в Уфе состоялись саммиты Шанхайской организации сотрудничества и лидеров стран БРИКС. Насколько итоги саммитов повлияли на архитектуру современных международных отношений?

– Уфимские саммиты ШОС и БРИКС венчали целый год председательства в этих организациях России. Их можно считать в значительной мере благоприятными для нашей страны, так как они продемонстрировали всему миру, что разговоры об изоляции России в «посткрымский» период – не более чем идеология. Находящаяся под действием санкций и беспрецедентным давлением Россия сделала серьезную ставку на ШОС и БРИКС, можно даже сказать, что для Москвы в условиях текущей геополитической конъюнктуры была важна политическая поддержка стран – участниц ШОС и БРИКС. И Россия ее получила сполна.

Можно сказать, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС прошли по российскому сценарию. Самым важным решением следует признать принятие Стратегии развития ШОС до 2025 года. Этот документ по своей философии имеет четкие ориентиры и предполагает решение вопросов коллективной безопасности и развитие Евразии без участия неевразийских стран (прежде всего, США).

Помимо этого, в Уфе приняты важнейшие политические решения о начале процедуры обретения полноправного членства в ШОС Индии и Пакистана, что очень важно для Москвы. Россия, таким образом, сможет учиты-

вать противоречащие подчас друг другу интересы Индии и Китая. Более того, после вхождения Индии и Пакистана в ШОС совокупное население стран – участниц этой организации составит примерно 3 млрд человек, то есть почти половину всего населения земного шара. Расширение ШОС, несомненно, изменит масштаб и стратегию действий организации. В этот же контекст органично вписываются статус партнера ШОС таких стран, как Азербайджан и Армения, Камбоджи и Непала, а также предоставление Беларуси статуса наблюдателя.

Кстати, в рамках ШОС России также удалось укрепить свой экономический базис. Москва смогла синхронизировать свои евразийские интеграционные инициативы с мегапроектом Пекина «Экономический пояс «Шелкового пути»», которые при правильной расстановке акцентов будут дополнять и обогащать друг друга. Очень важно, что уфимские саммиты ШОС и БРИКС продемонстрировали способность России и Китая договариваться.

В то же время не будем забывать и о решениях, принятых на саммите БРИКС в Уфе, в их числе – очень важное экономическое решение – учреждение банка БРИКС. Июльский саммит продемонстрировал готовность «пятерки» объединения с броским акронимом БРИКС участвовать в построении новой архитектуры международных финансовых институтов. Создание банка БРИКС – это, вне всякого сомнения, мощный ответ на явно запаздывающую реакцию западных стран по реформированию МВФ и Всемирного банка.

Трубников Вячеслав Иванович, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный посол России.

– К уфимскому саммиту ШОС Евразийским центром «Самрау» был издан аналитический доклад, в котором делается вывод о том, что деятельность ШОС и БРИКС только в краткосрочной перспективе выглядит как антизападная, в среднесрочной перспективе она может быть представлена уже как альтернативная западной, а в долгосрочной – направлена на формирование нового, гармоничного мироустройства. Что, на Ваш взгляд, могут сделать ШОС и БРИКС для стабилизации системы международных отношений?

– Я ознакомился с этим докладом и хочу сказать, что его стилистика выбрана, на мой взгляд, верно. Именно древнекитайская философия, многочисленные ссылки на которую содержатся в докладе, и выражает собой суть стратегии ШОС и БРИКС. Эти организации ведут кропотливую и неторопливую работу по балансировке мирового порядка, пытаются сделать его более гармоничным. Современный мир в эпоху глобализации слишком сложный для того, чтобы подчиняться моноцентричным стандартам и культурным этосам. Это очевидно и на примере мирового хозяйства, когда самые быстрорастущие экономики мира, к сожалению, как я уже отмечал, не могут получить должную поддержку в мировых финансовых институтах. Следовательно, нужно реформировать эти институты. В этом поступательном движении России и ее партнеров по БРИКС и ШОС и содержатся контуры нового мирового порядка, который будет даже не полицентричным, и в нем не будет полюсов противостояния. И уж точно новый мировой порядок будет не антиамериканским, скорее он будет более справедливым. Возможно, это всего лишь некий идеал, но тенденция к постепенному уменьшению влияния западных стран на мировой арене в докладе зафиксирована правильно.

– В 2005 году Индия и Пакистан одновременно присоединились к ШОС в качестве наблюдателей. Именно с проведением саммитов в Уфе связан процесс обретения Индией и Пакистаном статуса полноправных членов организации. Не ослабит ли это позиции ШОС, так как некоторые эксперты предсказывают, что Индия и Пакистан будут блокировать инициативы и предложения друг друга?

– Понятно, что отношения Индии и Пакистана содержат в себе много противоречий,

однако руководство в Нью-Дели и в Исламабаде понимает, что нужно искать компромиссы, принимать более активное участие в укреплении коллективной безопасности Евразии. Формат ШОС, где, при всем уважении к независимым государствам Центральной Азии, верховодят Россия и Китай, становится такой площадкой. Следует обратить внимание на то, как возрастает внимание ШОС к проблемам Афганистана. Следует признать, что определенные риски в том, что Пакистан будет блокировать инициативы Индии и наоборот, в ШОС существуют, однако уверен, что в Москве и Пекине тщательно взвесили все «за» и «против».

При этом, конечно же, ни Нью-Дели, ни Исламабад не допустят ситуации, при которой одна из стран будет являться членом организации, а другая – нет. Поэтому синхронное обретение ими прав членства представляется единственным приемлемым для ШОС вариантом развития событий. Впрочем, Узбекистан, к которому переходит председательство в организации, отнюдь не в восторге от такого расширения. Ислам Каримов в разговоре с Владимиром Путиным недвусмысленно дал понять, что надо все взвесить и потом уже принимать какое-либо решение. Для Ташкента, таким образом, остается возможность маневра между Россией, Китаем и Западом. Поддержание такой конфигурации является фирменным стилем дипломатии Ислама Каримова. И, тем не менее, такой маневр – это всего лишь маленькая хитрость умудренного опытом «бессменного» руководителя Узбекистана. Вопрос о полноценном членстве Индии и Пакистана уже переходит в разряд технических, и вряд ли Ташкент, даже если захочет, сможет помешать его успешному решению. Меняется ситуация и для Запада, но она опять-таки оставляет США возможности для маневра.

– Почему Россия активно выступает за снятие санкций с Ирана, ведь Иран является одним из основных конкурентов России на рынке углеводородов?

– На мой взгляд, в последнее время мы слышим слишком много необоснованных упреков в недалёковидности российской внешней политики. Действительно, может показаться, что в краткосрочной перспективе снятие санкций с Ирана помешает повышению мировых цен на энергоносители и затронет тем самым национальные интересы России. Однако

руководство страны мыслит не только в категориях среднесрочной выгоды. Речь идет о том, что Тегеран – важнейший геополитический союзник Москвы на долгосрочную перспективу. В свете сирийского вопроса это более чем очевидно. Помимо этого, Иран – важный экономический партнер России. Совсем не случаен интерес Ирана к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), который весьма благожелательно воспринимают в Москве. К тому же немаловажно, что после снятия санкций с Ирана российские компании примут самое активное участие в модернизации нефтедобывающей отрасли Ирана. И, наконец, не будем забывать о значительном интересе Тегерана к российской военной технике.

– Сейчас активно обсуждается вопрос вступления Таджикистана в ЕАЭС. Выиграют ли от этого Таджикистан и Евразийский экономический союз?

– Обратите внимание, Душанбе постоянно обращается с просьбами к Москве по поводу экономических преференций и улучшения положения мигрантов. Ремитационный характер экономики, главным драйвером которой остаются трудовые ресурсы, не оставляет Таджикистану иных альтернатив. При этом, конечно же, на политику Э. Рахмона значительное влияние оказывает Китай. Однако не думаю, что Таджикистан станет «камнем преткновения» между Москвой и Пекином. Скорее всего, Таджикистан, как и несколько лет назад Киргизия, займет выжидательную позицию и будет медленно, но верно «дрейфовать» в сторону ЕАЭС, не забывая вести торги. Участие Душанбе в проектах евразийской интеграции является жизненно важным для страны, так как позволит придать новые импульсы экономике, открыть для сельского хозяйства новые рынки сбыта.

– Недавно в Таджикистане произошло серьезное вооруженное столкновение. Боевики под предводительством экс-заместителя министра обороны Таджикистана Абухалима Назарзода атаковали силовиков города Вахдат. Абухалим Назарзод, как и другие нападавшие, принадлежал к партии ПИВТ. На Ваш взгляд, что ждет Таджикистан в ближайшем будущем? Могут ли повториться аналогичные события?

– К сожалению, Таджикистан пребывает в перманентном состоянии турбулентности. Не будем скрывать, от состояния «failed state» страну отделяет не так уж много. Э. Рахмон сделал

ставку на полную аннигиляцию оппозиции в правовом поле и приоритетное выдвижение представителей кулябского клана, тогда как все остальные остаются на периферии властно-управленческого ресурса. Такая конфигурация оставляет всем недовольным (а их в Таджикистане немало) единственную возможность – применение силы. Насилие, как известно, – самый последний инструмент в политике. Его применяют тогда, когда все остальные инструменты уже не действуют. Полагаю, что ситуация в Таджикистане именно такая: недовольные своим положением элиты и другие силы не получают властно-управленческого ресурса и демонстрируют готовность бороться за него с оружием в руках.

– Существует множество мифов о бомбардировках российскими вооруженными силами позиции запрещенной в нашей стране экстремистской группировки «Исламское государство». Как Вы оцениваете текущую ситуацию и каковы позиции российских военных в Сирии на данный момент?

– Для ответа на этот вопрос нужно несколько слов сказать о существующей мир-системе. Она более не может существовать в монополярном формате, хотя США настаивают на этом. Именно упорное, я бы даже сказал упрямое, нежелание реконфигурации со стороны Вашингтона определяют те турбулентности, которые происходят в современном мире. В этой ситуации Россия не может больше ждать, не может более следовать инерционному сценарию, когда Вашингтон и Брюссель доведут ее положение до региональной державы, не способной самостоятельно обеспечить свою национальную безопасность. Сирийская инициатива Москвы – это непростое, но очень важное и крайне необходимое решение руководства страны. Только такими затратными акциями Россия сможет поменять баланс сил в современном мире, деконструировать дискриминационную мир-систему, явный акцент в которой делается на западные институты и, что более важно, интересы стран золотого миллиарда.

Москва несколько лет назад четко дала понять всему миру, что не готова больше мириться с политикой «двойных стандартов» США в Евразии. В этом контексте решение Москвы о проведении военной операции в Сирии смотрится не только логичным и ответственным шагом, но и единственно возможным.